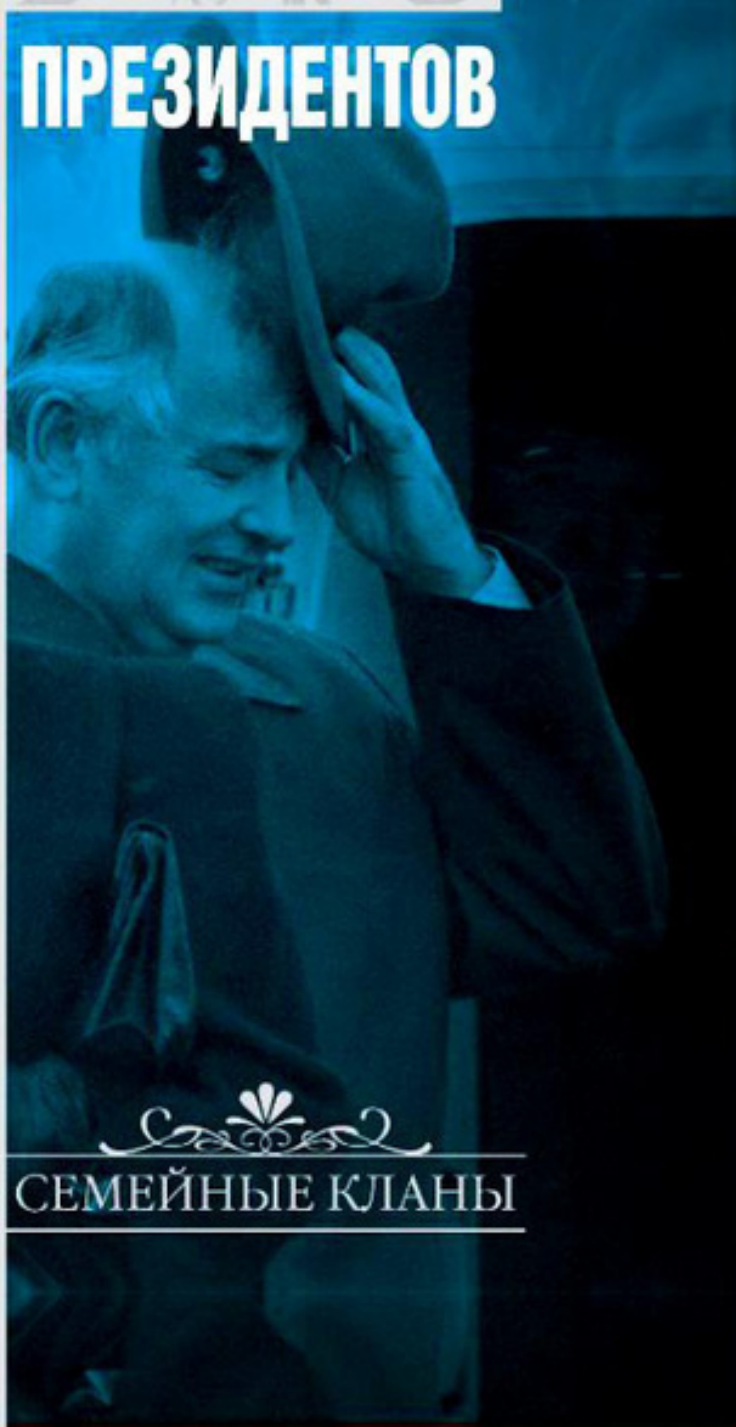

СЕРГЕЙ ПЛАТОНОВ

ГОРБАЧЁВЫ

ЧЕТА

ПРЕЗИДЕНТОВ

СЕМЕЙНЫЕ КЛАНЫ

Семейные кланы

Сергей Платонов

Горбачевы. Чета президентов

«Алисторус»

2012

УДК 82-94
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

Платонов С. В.

Горбачевы. Чета президентов / С. В. Платонов — «Алисторус»,
2012 — (Семейные кланы)

ISBN 978-5-6995-5008-1

Михаил Горбачев возглавил Советский Союз формально один, а фактически вместе с Раисой Максимовной. Только страна не сразу поняла, что к власти пришел семейный тандем. В январе 2012 года Раисе Максимовне Горбачевой исполнилось бы 80 лет... Автор Сергей Платонов – контрразведчик. В силу профессиональной деятельности ему не только довелось наблюдать героев лично, но и участвовать в мероприятиях, влиявших на ход современной истории, о которых можно рассказать только сейчас, да и то не всё. Оттого о многих фактах и событиях читатель узнает впервые. Прежде всего, это касается тех сведений, где речь идет о дружбе четы Горбачевых с агентом трех спецслужб, видным деятелем «пражской весны» Зденеком Млынаржем; об истинных причинах убийства коммунистического лидера Румынии Николае Чаушеску и его жены Елены; об атомном проекте; о странной роли Андропова в возвышении Горбачева; об обстоятельствах формирования антисоветских и антисоциалистических планов Михаила Горбачева под влиянием Яковлева и Шеварднадзе; о том, как перестройка в «горбачевском варианте» была задумана и проводилась по инициативе Запада. По-новому показывает автор и обстоятельства ГКЧП, истинную роль в этих событиях самого М. Горбачева – первого и последнего президента СССР. В художественно-документальной форме С. Платонов показывает, как провинциалы Михаил и Раиса Горбачевы смогли возглавить, а потом развалить самую могучую в мировой истории Советскую империю.

УДК 82-94
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 978-5-6995-5008-1

© Платонов С. В., 2012

© Алисторус, 2012

Содержание

От сказки – к были. Вместо пролога	7
Москва	10
Арест	13
Первая и последняя	14
Клятва	16
Лондон	20
Юрист широкого профиля	23
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Сергей Платонов

Горбачевы: чета президентов

© Платонов С.В., 2012

© ООО «Алгоритм-Издат», 2012

© ООО «Издательство Эксмо», 2012

* * *

Посвящается жене Людмиле

*Не Богу ты служил и не России,
Служил лишь суете своей,
И все дела твои, и добрые и злые,
Все ложь в тебе, все призраки пустые:
Ты был не царь, а лицедей.*

Ф. Тютчев

*Рассказать вам о всех мировых дураках,
Что судьбу человечества держат в руках.
Рассказать вам о всех мировых подлецах,
Что уходят в историю в светлых венцах...*

Георгий Иванов

От сказки – к были. Вместо пролога

Михаил и Раиса родились и жили в государстве, которое возникло из хаоса Великой Рабоче-крестьянской революции 1917 года за полтора десятка лет до их появления на свет. Это было необычное государство. Было, потому что еще при их жизни и, самое главное, в том числе по их вине, его не стало. Необычное, потому что впервые в мировой истории его целью стало создание коммунистического общества, в котором, согласно сказочным народным представлениям, текут молочные реки в кисельных берегах. Вначале получалось что-то примитивное, но большинство народа считало его самым лучшим и справедливым. Потому что в нем как никогда и нигде прежде эффективно заработала система социальных лифтов. Вчерашние рабочие, крестьяне и кухарки активно вовлекались во все сферы строительства жизни нового общества. Представители бывшего правящего слоя и «эксплуататорских классов», которые противились этому процессу, новой властью безжалостно подавлялись. Эхо этих расправ не утихает до настоящего времени.

Прежняя российская цивилизация была разрушена до основания согласно главному лозунгу первостроителей коммунизма: «Весь мир насилья мы разрушим, до основания. А затем мы наш, мы новый мир построим. Кто был ничем, тот станет всем». Так и жили. Первые четыре года разрушали. Потом написали «план построения коммунизма» и назвали его так: «Коммунизм есть Советская власть плюс электрификация всей страны». Правда, тогда никто, и вожди в том числе, не знали, что новый тип общества построить точно по плану нельзя, потому что это в принципе невозможно. Общество не дом и не завод. Оно есть сумма огромного числа разных и несовершенных людей. Что-либо разрушить они всегда могут, ведь «ломать – не строить». А вот выстроить в точности задуманное не удавалось никому. Слишком велико сопротивление человеческого материала. Вспомним лебедя, рака и щуку: «Когда в товарищах согласья нет, на лад их дело не пойдет. И выйдет из него не дело, а только мука». Так и тогда. Сначала по пути в коммунизм «заехали» в нэп – новую экономическую политику. По сути, повернули назад на условиях ограниченного возврата частной собственности. Потом забрели в Ад сплошной коллективизации крестьян. После влетели в зону турбулентности по имени Большой Террор (есть и те, кто считает, что это был единственно возможный способ превращения революционного хаоса в организованное общество). Уничтожили или посадили всех явно несогласных с новыми порядками. То есть без конца шарахались, пока не вышли на более верную дорогу. А тут война. Бросили стройку – и по фронтам, Родину защищать от немецких, итальянских, венгерских, румынских и других фашистов во главе с Гитлером, тоже желающих, как и коммунисты, мировой гегемонии для устройства более совершенного общества. Только по разным проектам. У коммунистов – на путях братства и равенства угнетаемых под лозунгом «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!». У фашистов – путем покорения и уничтожения слабых наций-«недочеловеков».

До Раисы Титаренко в Западную Сибирь фронт не докатился. Отца ее от призыва на войну освободили, поскольку он работал на стройке стратегически важной железной дороги. И она жила до окончания школы с золотой медалью под опекой любящих ее отца и матери. Школьные подруги называли Раю хорошенькой, умной и правильной девушкой с твердым характером.

По-другому сложилось у Михаила Горбачева. В трехлетнем возрасте из-за нужды родители отдали малыша на иждивение деда и бабушки по материнской линии. Дед был председателем колхоза, поэтому с детства приучал внука к лидерству и уверенности в себе. Родителей видел редко. С началом войны отца призвали на фронт. На втором году фашисты заняли его родное Ставрополье. Полгода продолжалась оккупация. В школе занятия не проводились и учебный год был пропущен. Когда Михаилу исполнилось четырнадцать лет, отец возвра-

тился домой по ранению. После полного выздоровления стал работать комбайнером машинно-тракторной станции. В течение четырех лет Михаил летом работал у него помощником или, как тогда говорили, – штурвальным. По результатам самого удачного лета, когда они намотили рекордное количество зерна, их очень солидно поощрили. Отца наградили орденом Ленина. Михаила – орденом Трудового Красного Знамени, приняли кандидатом в члены партии и избрали на небольшую, но важную для старта политическую должность – секретарем комитета комсомола школы. Вспоминая о нем, сверстники особенно отмечали в его характере инициативность и напористость. В эти годы они с отцом по-настоящему и на всю жизнь сблизились. Однако с матерью близкого контакта до конца ее дней так и не произошло. И поэтому, когда юноша в университете встретился с Раисой, она стала той женщиной, объединившей в одном лице жену и мать.

Итак, на исторической сцене появилась пара актеров, которую никто не ожидал. Ни режиссеры, ни публика. Каждый в отдельности так бы и остался либо примой в провинции, либо прозябал бы в столице на вторых ролях. Но только если бы они не составили тандем. И вот судьба свела их в такую пару, в которой раз и навсегда «насмерть» соединились воедино воля и ум Раисы и неумные честолюбие и энергия Михаила. Встретились они через пять лет после войны в Московском государственном университете.

Жизнь с окончанием войны менялась со все возрастающей скоростью. Наука, техника, экономика за несколько послевоенных лет преобразовались больше, чем за весь промежуток между мировыми войнами. Смертоносная война, как это ни покажется кощунственным, стала также и катализатором развития, своеобразной разрушительно-созидательной силой. Особенно в ходе послевоенной конверсии, когда массы уволенных из армии приходили на производство, а секретные военные технологии передавались в гражданский сектор. В этих условиях стране требовалась другая «армия»: специалисты мирных профессий для заводов, фабрик, социальной сферы, органов управления. Наконец-то впервые в истории страны ставилась задача превратить страну из «военного лагеря» в мирное общество на основе законности и правопорядка. Поскольку жизнь в стране быстрыми темпами уходила от примитивных форм к более сложным, управление обществом также не могло оставаться на прежнем уровне. Поэтому создавались новые высшие учебные заведения, увеличивались наборы в существующие. Впервые за успешное окончание школы ученики награждались золотыми и серебряными медалями. Раиса была в числе тех первых, кто в 1949 году получил «золото». Михаил стал обладателем «серебра». Медалисты получали право поступления в любые институты и университеты без экзаменов. Продолжало, хотя и не так явно, как до войны, иметь значение и социальное происхождение абитуриентов. Предпочтение отдавалось выходцам из «низов». И все же страна задыхалась от недостатка квалифицированных кадров. Война выкосила самых талантливых и энергичных. И еще долгие десятилетия последствия этих потерь крайне негативно сказывались на развитии страны. Как знать, не будь такой катастрофы, может быть и выстояла бы она перед теми испытаниями, которые ожидали ее в *перестройку*. Ведь именно в эти годы управлять колхозами, заводами, районами, городами, областями и ведомствами страны должно было поколение погибших на войне. Наверно, не случайно с 1987 по 1991 год в высший орган управления страной – Политбюро ЦК КПСС входили деятели, которые либо не призывались на фронт по молодости лет, либо не воевали по причине отсрочек от призыва. А сам Михаил Горбачев, возглавивший к этому времени партию и страну, непонятно по какой причине даже не служил в армии. Таким образом, руководящее политическое ядро страны-победителя фашизма в лихие годы перестройки не имело так важной для того времени фронтовой закалки, а следовательно, и необходимого морального авторитета среди населения. Не служившим в армии, да еще в годы войны, веры и уважения было меньше.

И все же, несмотря на всякого рода отклонения от стратегического курса, с конца 50-х годов XX века коммунистическая сказка начала приобретать черты стабильной реальности.

Исчез страх безработицы, так как страна превратилась в сплошную стройку. Каждый желающий мог получить бесплатно не только среднее, но и высшее образование. Советские люди впервые в мире прорвались в Космос и создали атомную энергетику. Расцветали искусства и спорт. На олимпийских играх советским спортсменам не было равных. Создание самых мощных в мире вооруженных сил гарантировало надежную защиту мирной жизни. Невиданные в мире темпы жилищного строительства позволили бесплатно выделять жилье десяткам миллионов семей. В продаже появились легковые автомобили, бытовая техника. Многие гордились своей причастностью к созданию первого в мире социалистического государства. Все это и многое другое прививало неизвестные раньше большинству российских людей чувство собственного достоинства, веры в себя, в будущее и даже во власть и дружбу народов. Все более крепнущая социальная защищенность в значительной мере компенсировала стесненность в политических свободах и ограниченный суверенитет республик. Такое состояние продолжалось до конца 70-х годов. После этого романтический импульс и энтузиазм развития, заданный обществу рабоче-крестьянской революцией, а потом и послевоенной реконструкцией, начал затухать. Наступали времена прагматиков. В будущем, в начале 1990-х эта тенденция приведет к тому, что один из них – Михаил Горбачев и возглавит страну. Формально один, а фактически вместе с Раисой. Только страна тогда не сразу поняла, что к власти пришел семейный тандем.

Москва

Последние дни в небольшом южном селе только и обсуждалась небывалая новость. После окончания войны никаких важных событий в нем не случилось, а тут сразу такое. Сыну местного механизатора Сергея Горбачева пришел вызов на учебу в Москву. В нем сообщалось, что Михаил принят на юридический факультет главного университета Советского Союза. Многие жители даже не знали, чем занимаются юристы. И это подогревало интерес к фигуре Михаила. Особенно любопытные не давали ему прохода и дотошно спрашивали, кем же он будет, когда выучится. Михаил, не скрывая радости, чаще всего отшучивался. Но когда колхозный шофер и балагур Семен Горбачев высказал догадку, что в будущем Мишка станет министром, тот, сверкнув черными глазами, гордо ответил:

– Бери выше, дядя Семен. Для нас, Горбачевых, министерства будет маловато.

Никто тогда и подумать не мог, что парень говорит всерьез.

В эти же дни в центре Европы в Праге семья чешского профессора социалиста Петера Млынаржа готовила к отъезду в Москву на учебу по квоте компартии в тот же университет сына Зденека.

Новое коммунистическое правительство страны считало, что лучшего места, чем Москва, для подготовки современных кадров нет. В отличие от родственников и односельчан Михаила, родители Зденека видели своего сына прокурором. Но он хотел быть адвокатом. Сошлись на том, что для начала надо получить диплом, а потом определяться. Они даже не предполагали, что сын станет политиком. Хотя слова, сказанные им при прощании, могли навести на некоторые раздумья:

– Если не стану адвокатом или прокурором, буду правозащитником.

Так его величество Случай готовил скорую встречу двух молодых людей, которым будет суждено без насилия изменить ситуацию в мире. По мнению одних, – к лучшему. По мнению других, и таких больше, – к худшему. Достоверно знать это не дано никому. Человек – слишком ничтожная величина, чтобы своим умишком оценивать такие глобальные явления. А пока последуем за юными Михаилом и Зденеком в Москву.

На вокзале Михаила никто не встречал. Денег на такси не было. Добирался до общежития на Стромынке трамваем. При заселении комендант сообщил, что комната на двоих и в ней уже живет студент из Чехословакии. Это был Зденек. Тогда и позже в общежитиях московских вузов практиковали селить смешанные интернациональные составы из советских и иностранных студентов. На этом настаивал Комитет госбезопасности. Так ему было легче контролировать поведение и настроения иностранцев, влиять на идеологию, а также подбирать кандидатов для вербовки. Иногда происходило обратное, и наши студенты подвергались обработке гостей. Тогда КГБ приходилось заниматься своими гражданами. Так что процесс этот обоюдоострый, поскольку заранее никто не знал, кто на кого и как повлияет. В любом случае считалось, что советские студенты во всех отношениях надежнее. Так и в нашей ситуации. Почему-то была полная уверенность в идеологической стойкости Михаила. Может, из-за блестящей комсомольской характеристики, а возможно, из-за крестьянского происхождения. Видно, *там, где надо*, полагали, что советский в третьем поколении гражданин уже обладает полным иммунитетом от мировоззрения сверстника, рожденного и выросшего в буржуазной, недавно вошедшей в советскую систему, Чехии. Жизнь показала необоснованность такого расчета. Взгляды сына сельского механизатора и сына пражского профессора не были противоположными, но и не совпадали. А главное, знания, кои всегда являются фундаментом убеждений, полученные в хуторской школе и в пражской гимназии, были явно не равновесными. Время покажет, как либеральные воззрения столичного Зденека раздавят хилое здание Мишкиного

марксизма. Слабого не самого по себе, а из-за «каши в голове» паренька из провинции. Не последнюю роль на результаты взаимного влияния играли и характеры «сожителей».

Когда Михаил собирался в Москву, учителя посоветовали ему взять с собой орден Трудового Красного Знамени, которым его наградили за активное участие в уборке урожая. Случай такого награждения школьника даже в богатой на всякие новации советской стране был уникальным. Обычно подростки награждались грамотами. А тут сразу орден, да еще такой значительный. Директор школы так и сказала:

– Такой награды ни у кого из студентов, вчерашних школьников, не будет. Ты сразу обратишь на себя внимание. И это поможет тебе утвердиться в коллективе и в учебе. Пусть видят, кого мы воспитали.

Михаил последовал совету. После знакомства с соседом по комнате, раскладывая нехитрые пожитки, он не без гордости достал из чемодана орден. Однако Зденек интереса не проявил. Тогда Михаил сам спросил у него, знает ли он, что означает эта штука. Получив отрицательный ответ, стал объяснять. С этого хвастливого разговора начались длительные, ставшие потом дружескими, отношения.

От Стромынки до Моховой, где располагался университет, добирались всегда вместе. Обычно трамваем. По утрам в них была такая давка, что ни войти, ни выйти без помощи друг другу не получалось. Однако вскоре университету построили новое здание и общежитие на Ленинских (теперь опять Воробьевых) горах. Ситуация изменилась. Надобность в трамвае отпала. В новом общежитии почти все комнаты были на двоих. Естественно, друзья поселились опять вместе.

Из окна их жилища, расположенного на двадцатом этаже, Москва была видна как на ладони. Силуэты шести высотных зданий, только что построенных на Садовом кольце, были похожи на часовых, днем и ночью охраняющих покой москвичей. Позже их назовут «сталинки». Внутри кольца возвышались колокольня и башни Кремля, где работал Сталин – вождь страны Советов и организатор недавней Победы над фашистской Германией. После смерти этого правителя в нем работали другие, которые суежились много, но прежнего влияния не имели. От этого и Кремль как бы помельчал. Но это будет позже.

Михаилу и Зденеку нравилось в свободное время любоваться потрясающей панорамой города. Иногда удавалось рассмотреть свет кремлевских рубиновых звезд. В особенно ясную погоду можно было видеть над куполом одного из зданий Кремля красный государственный флаг. Никто из них тогда и подумать не мог, что почти через сорок лет Михаил будет вынужден отдать распоряжение о его замене другим, трехцветным. Учились они охотно, даже с азартом. Верили в светлое будущее. Временами казалось, что революции, диктатуры, войны и другие социальные катастрофы ушли в прошлое навсегда. Что мир уже готов к жизни без насилия.

После смерти Сталина на глазах менялся созданный им политический режим, беспощадный даже к тем, кто не был его активным противником. Особенно быстро в противников сталинизма «перестраивались» его горячие сторонники и подпевалы. Большинство простых людей в СССР и мире скорбели об уходе своего вождя. Другой была реакция среди остатков либеральной части народа. Одни тихо радовались и робко критиковали Сталина. Иные молча надеялись на оттепель. И она вскоре начала проявляться в отказе от репрессий и помиловании прежде осужденных антисоветчиков. Естественно, что многие студенты и наши друзья не остались в стороне от участия в этих процессах. Михаил нередко колебался, пытаясь примирить в своем сознании сталинизм и новые настроения. При этом проявлял немалую способность к тактическим маневрам. Как-то на семинаре по государственному праву он выступил с докладом о том, как в федеративном государстве могут сочетаться два принципа: ленинский о праве наций на самоопределение вплоть до выхода из этого государства и сталинский о принципе нерушимо-

сти его границ. Вся группа включилась в дискуссию, но скоро она зашла в логический тупик. И тут же ее зачинщик, сославшись на необходимость участия в заседании комитета комсомола факультета, семинар покинул, переложив бремя отстаивания своей позиции на Зденека. Пришлось ему отдуваться за двоих.

И сегодня мир бьется над этой проблемой, хотя эти принципы уже не актуальны, но не исключены из Устава ООН. В настоящее время на самоопределение вплоть до выхода стали претендовать не нации, а малочисленные этнические группы, часто взрывающие государства изнутри, поскольку на таких территориях в силу глобализации они нередко являются меньшинством. Это делает изгоями проживающие совместно с ними, другие более многочисленные, но не титульные этносы. Гораздо позже пришло понимание решения проблемы в форме национально-культурных автономий. Но тогда об этом еще не размышляли. И выхода из такого противоречия не видели. Дискуссии подобного рода обычно заканчивались ничем. Михаил с его склонностью к компромиссам «купался» в самих спорах, но от заключительных выводов умело уклонялся. Зденек по-дружески часто его поддерживал, хотя внутренне не всегда был с ним согласен.

Сдержанный и даже молчаливый Зденек не сразу привык спокойно переносить говорливость Михаила, его способность не утруждать себя глубоким анализом обсуждаемой темы. Обычно он не проникал в глубину явлений, а как бы скользил по поверхности проблемы. Потребность высказаться была у того постоянной и на самые разные темы. Но чаще всего он высказывался на близкие ему темы из колхозной жизни, тяготах сельского труда, особенно при уборке урожая в жару на раскаленном комбайне. Любил рассказывать о своих спорах со студентами философского факультета по проблемам в стране и за рубежом. Главным его оппонентом из них обычно был в будущем выдающийся философ и социолог Александр Зиновьев. Тогда в моду стали входить дискуссии о правомерности экспорта социализма, о социалистической законности, о советском праве как альтернативе буржуазным правовым системам. Когда он говорил, перебить, вставить свое слово было не так просто. Теория теорией, а в будущей политической практике социалистической законностью, по Горбачеву, будет то, что, как и в любой системе, выгодно правящей элите. Про себя Зденек иногда называл советского друга «товарищ Монолог». Заметил он и другую его особенность – неспособность жестко отстаивать свое мнение и повышенную восприимчивость к чужому. За это на одном из семинаров преподаватель по истории партии шутливо назвал Михаила соглашателем. Про таких в Чехии говорили, что они как петухи, для которых главное прокукарекать, а там «хоть не развидняйся». Но это не мешало им быть в хороших отношениях и даже дружить, а Михаилу выстраивать карьеру комсомольского активиста. Зденек все больше и охотнее воспринимал советские ценности, и казалось, что скоро он станет настоящим ленинцем. А когда неожиданно для многих на факультете Михаил стал членом партии большевиков, Зденек тоже высказывал желание в будущем вступить в ее ряды. Но до этого не дошло. Многое изменилось в один день, когда в деканате юридического факультета раздался звонок из посольства Чехии. Сообщили об аресте отца Зденека. В этот же день в читальном зале библиотеки Михаил познакомился с будущей женой Раисой.

Арест

Политический секретарь посольства попросил декана срочно направить к нему студента Зденека Млынаржа. Посольство находилось рядом с площадью, на которой возвышался громадный памятник Маяковскому. Мысли бешено и хаотично крутились вокруг неожиданного известия об отце. Но когда он проходил мимо красного здания Моссовета, а потом каменной фигуры поэта, с чего-то вдруг подумалось о необычной форме его стихов. Некоторые из них ему показывал и читал Михаил. Строчки-лесенки навязчиво маячили в воображении. Отделаться от одной из них «сидите, не совейте в своем Моссовете» долго не удавалось. И это на фоне страха, не за себя, а за отца, мать. «Боже, помоги. Не дай сойти с ума. Как же тяжело в такой момент быть вдалеке от близких. Так одиноко. Хотя вокруг толпы людей». Последние метры перед посольством он почти бежал. Казалось, только там он сможет успокоиться. Где были, конечно, свои. Но как раз от них исходило известие о первом в его жизни страшном событии. И полная неизвестность, что будет теперь и дальше. Он желал этой встречи, и он ее боялся.

Охранник проводил Зденека в комнату для посетителей. Ничего не сказал и вышел. В большом помещении из мебели было два кресла, столик, напольная ваза с искусственными цветами, да на стене знакомые портреты президента Запотоцкого и первого секретаря ЦК компартии Новотного. Стало чуть спокойнее. С обложки лежащего на столике журнала на него тоже смотрел президент. Долго никто не приходил. Возбуждение опять стало усиливаться до панического после того, как в комнату молча заглянул тот же охранник. В одиночестве и полной тишине он находился не менее часа. Наконец в вестибюле послышались голоса и шаги. Опять заглянул охранник и пригласил выйти. Его ждали двое. В строгих костюмах и с военной выправкой.

- Вы Зденек, сын Петера Млынаржа? – жестко спросил меньший по росту.
- Да, я сын профессора Млынаржа из...
- Бывшего профессора, – мягко перебил больший по росту.
- Почему бывшего? Он умер?!
- Успокойтесь, молодой человек. Он жив и здоров. Но по суду лишен свободы и звания профессора за активное участие в антипартийной группе. Потому и бывший. У вас паспорт с собой?
- Да, вот посмотрите.

Меньший взял паспорт и предложил следовать с ними. Он шел первым. Зденек за ним. Больший сзади. Гость посольства все больше походил на пленника. Из главных апартаментов посольства через внутренний двор они прошли в скромное двухэтажное здание, похожее на дом для прислуги. Здесь его поместили в комнату, типичную для номера гостиницы, но с решетками на окнах, и без объяснений оставили опять одного.

Вышел он из посольства только к вечеру, получив свободу и возможность продолжить обучение в университете в обмен на отказ от поддержки отца и согласие негласно сотрудничать с органами госбезопасности Чехословакии.

Первая и последняя

При изучении гуманитарных предметов студентам приходилось много конспектировать. Особенно произведений классиков марксизма-ленинизма. Поэтому читальный зал библиотеки надолго становился родным домом. За столиком в соседнем ряду постоянно сидела студентка-философ. На каком она учится факультете, Михаил понял по названию изучаемых ею книг. Не красавица, но чертовски милая. И что-то в ней его очень притягивало. Сначала он поглядывал в ее сторону изредка и украдкой. Со временем она нравилась все сильнее, а его взгляды становились частыми, длительными и все более откровенными. Но опыта общения с девушками у него не было. Поэтому даже заговорить с незнакомкой он не решался. Однажды, в тот день, когда Михаил пришел без друга и сидел за столом один, поглядывая как всегда на соседку, она сама подошла к нему.

– Что уставился, черноглазый. Нравлюсь? Так и скажи. Учиться не даешь. Как будто ворожишь и ворожишь. Рая меня зовут. А тебя?

– Михаил, – от неожиданности он ответил так громко, что дежурный сотрудник читального зала сделал им замечание за нарушение тишины.

Извинившись, он осмелел и пригласил Раю за свой стол, сказав, что его друг-чех ушел в посольство и сегодня не будет. Она с радостью согласилась. До самого закрытия сидели рядышком, не шевелясь, как будто боялись нечаянно прикоснуться друг к другу. Из читального зала они вышли вместе. Долго и бесцельно бродили по центру Москвы, которую оба, как тут же выяснилось, за год учебы в университете успели полюбить.

Сближение духовное развивалось стремительно. Как будто и не было между ними никакой разницы. Как будто и пол, и прежняя такая не похожая жизнь не разделяли их, а наоборот, только роднили. Уральская девушка, уже познавшая до Михаила мужскую измену, и он, полный целомудрия южный паренек, не просто шли навстречу друг другу. Они сразу помчались в одном направлении. Да с такой скоростью, что однажды уже в зрелые годы не успеют за ситуацией и окажутся в опасности, изолированными в Форосе. Когда всего несколько шагов станут отделять их от судеб Марии-Антуанетты с Людовиком XVI или Александры с Николаем II...

В их внутренней личной жизни, когда произошло физическое сближение и они поженились, то, что они все делали вместе, только помогало. Недаром говорят, что ничто так не сближает мужа и жену, как совместное приготовление пищи. Но для окружающих и для дел, которыми они с этого времени занимались, нередко создавало проблемы. Особенно когда он формально один, а фактически они вдвоем стали управлять громадной страной. И этим еще раз подтвердили древнюю истину о гибельности властных тандемов. Сначала они потеряли страну. Позже он потеряет и ее, свою Раису, первую и последнюю любовь. Но это все потом, а между этим они долго на зависть окружающих, страны, а потом и всего света, будут купаться в, казалось, бесконечном семейном счастье. Вот уж верно сказано, что за все приходится платить.

Поженились Михаил с Раисой через год после знакомства. Она перебралась к нему, а Зденек перешел в комнату к Анатолию Лукьянову. Их общему другу, поэту и «профессору», как его называли на юридическом факультете за очки, отличную учебу и страсть к сочинению стихов. В будущем он действительно станет профессором и доктором юридических наук. А в конце жизни возглавит парламент страны, и некоторое время будет слепо идти за Михаилом, ставшим главой государства, заплатив за свою доверчивость годом тюрьмы.

Так сложился дружеский квартет, в котором внешне доминировал Михаил. Но все, и он тоже, понимали, что они как спутники вращаются вокруг Раисы – яркой индивидуально-сти и человека твердых принципов, необычайно одухотворенной личности, умницы и круг-

лой отличницы. Она притягивала, но умела и дистанцию держать. Учеба, походы по музеям и театрам привлекали ее больше всего. Раиса старалась приобщать к этим занятиям и мужа. Михаил гордился своей женой и не скрывал это от окружающих. А она ловко и почти незаметно им манипулировала, пытаясь удерживать его от чрезмерного увлечения в ущерб семье общественными делами. Против чего он особенно и не протестовал. Это ей удавалось и тогда и впоследствии на протяжении всей его жизни. И даже в самые решающие моменты, когда от него требовались предельное напряжение и самоотдача. В таких случаях ее доминирование вредило делу, а бумерангом и семье.

Зденек вел двойную жизнь студента-отличника и тайного информатора. Внешне жизнь почти не изменилась, разве только он стал чаще ходить под разными предлогами в посольство. Его «друзей-дипломатов» интересовали настроения среди чешского землячества в университете, характеристики на возможных кандидатов для вербовки. Несколько раз он писал письменные просьбы президенту о помиловании отца. Его посольские «друзья» обещали похлопотать. И даже они, с их профессиональной проницательностью, не предполагали, что через пятнадцать лет он станет одним из руководителей Коммунистической партии Чехословакии в самые драматические времена ее истории.

Михаил все больше времени отдавал работе в комитете комсомола, где он стал освобожденным секретарем с получением жалованья. Учился по свободному графику вне расписания. Это не могло не сказываться на качестве знаний. Раиса переживала и старалась ему помогать. Особенно в написании конспектов и подготовке докладов на семинары. Но комсомольская жизнь так отвлекала, что нередко бывшему отличнику приходилось после сессий зачищать «хвосты». В ответ на ее сетования, что с таким багажом ему не сделать юридической карьеры, он обычно говорил, что политическая карьера не хуже. Видимо уже тогда рутинная работа советского юриста его не привлекала. Такое настроение переросло в убеждение после преддипломной практики. Это видно из писем Раисе, в которых между строк, а то и прямо она читала о его нежелании возиться с протоколами допросов и очных ставок. Похоже, что профессиональная лень становилась ему преградой на пути к прокурорским или судебским занятиям. Не случайно однажды он высказался, что лучшим дипломом является партийный билет, а политическая работа – это его судьба. Женитьба не повлияла на его отношения с чешским другом. «Он был ближе, чем многие свои», – скажет как-то Михаил о Зденеке.

Клятва

Многим поколениям студентов-юристов известно, что учебная нагрузка на третьем курсе самая сложная. Особенно изматывает объемом материала и обилием новой терминологии «Гражданское право». Для студента третьего курса юридического факультета Михаила ситуация осложнилась еще и болезнью жены Раисы. В детстве она заболела ревматизмом, болезнь периодически обострялась и требовал стационарного лечения.

Из больничной пищи она почти ничего не принимала. И он каждый день после занятий готовил для нее еду. Иногда помогали ее подружки. Чаще всего готовились суп или борщ и жареная картошка с говяжьей тушенкой. Из столовой добавлялся лишь винегрет. Пока она ела, сообщал самые главные новости. Поскольку он всегда спешил, для ее личных сообщений времени не оставалось. Тогда нашли выход: она заранее подробно все излагала в письме и при прощании вручала его с небольшим комментарием. Письмо читалось в транспорте по пути в университет, так как кроме учебы его ждала работа в комитете комсомола. Потом занятия в библиотеке до закрытия и в общежитии до двух ночи. Так продолжалось почти месяц. Когда в конце февраля он пришел в больницу забирать Раису, у него был такой вид, о котором говорят, что «краше в гроб кладут».

После выписки из больницы Раису освободили от занятий еще на неделю, и она взялась откармливать своего Мишу. Из дома, как нельзя кстати, подоспела посылка с мукой и салом. Прикупив яиц, каждый день готовила его любимую яичницу со шкварками и круглые, как солнышко, пышные оладьи со сметаной. К концу недели от его истощения не осталось и следа. Жизнь входила в обычное русло. Но тут случилось неожиданное и от того еще более страшное событие. Умер высший руководитель партии и страны, вождь всех народов Иосиф Сталин! Ушел из жизни человек, который более тридцати лет держал в страхе внутренних и внешних недругов государства, а в сознании простого народа был его главной опорой и надеждой.

Секретарь парткома вызвал Михаила и сообщил, что завтра в актовом зале университета состоится траурное собрание и ему поручается выступить от имени студентов юридического факультета.

– На собрании будут товарищи из горкома и Центрального комитета партии. Набросай тезисы выступления и покажи мне. Не забудь о главном – заверить ЦК, что молодежь будет всегда верна заветам товарищей Ленина и Сталина. Ответственность большая, постарайся. И еще. Скажешь, что мы, юристы, щит и меч пролетарского государства, не позволим его внутренним и внешним врагам воспользоваться такой утратой в своих целях. Что мы будем, не жалея себя, защищать дело усопшего вождя.

– Хорошо, я все подготовлю, – заверил секретаря Михаил.

Почти до утра с Раисой сочиняли его речь. После недолгого сна он отправился в университет на свое первое в политической карьере траурное собрание. Потом их будет немало. Но это первое, связанное со смертью вождя, останется в памяти навсегда. Секретарь парткома, бегло просмотрев текст, в основном одобрил его, но приказал убрать тезис о необходимости укрепления демократии, назвав это положение буржуазным и чуждым марксизму. Потом наказал идти в зал и ждать вызова на трибуну.

У выхода из парткома его ждал Зденек. Он знал о поручении и переживал за друга.

– Ну, что? Утвердил?

– Да, все в порядке. Правда, заставил вычеркнуть тезис о демократии. Сказал, что это пахнет социал-демократией. Пойдем в актовый зал. Ты в посольстве был, там какая реакция?

– Соболезнуют вам, но не все. Есть и те, кто откровенно ожидают перемен.

– Каких перемен?

– В сторону как раз демократии и меньшей зависимости от Москвы.

В зале все места и даже проходы были заполнены студентами и преподавателями. Несмотря на такое скопление, тишина стояла в полном смысле гробовая. У многих в глазах слезы. Раиса смогла занять для Михаила место, но с трудом удерживала от желающих его захватить. Пока решали, как обойтись двумя стульями на троих, Михаила позвали на сцену. Здесь под огромным, обвитым черной лентой портретом вождя в форме генералиссимуса, уже собрались те, кому доверили произнести траурные речи. Ждали ректора, секретаря парткома университета, представителей московского горкома и Центрального комитета партии. Наконец появились и они. Впереди шел академик Иван Петровский. Выдающийся математик с мировым именем уже два года возглавлял МГУ. Ходила легенда о том, что когда его избрали ректором, заведующий отделом науки ЦК несколько дней не решался доложить об этом Сталину. Петровский не был членом партии. А когда решился, был не меньше прежнего озадачен реакцией вождя: «Математика не философия. Это вещь беспартийная. Поэтому математикам в партиях делать нечего. Пусть руководит, посмотрим. Думаю, у него получится». Двадцать два года до самой смерти он весьма успешно работал на посту ректора. И в этом случае вождь не ошибся.

Михаил выступал последним. Перед ним девушка с исторического не смогла договорить до конца. Видимо помешали спазмы. Боялся и он, что не справится с волнением. Но обошлось. Говорил так уверенно, как будто не в первый раз. С особым чувством и нажимом произнес ту часть, где заверял ЦК быть верным заветам товарища Сталина. После окончания мероприятия секретарь парткома крепко пожав руку, сказал, что с такими последователями делу Ленина – Сталина ничто не угрожает. И сообщил, что Михаил, Зденек и еще три студента-юриста включены в состав делегации для прощания с вождем.

На три дня тело Сталина выставили для прощания в Доме союзов. От страха за будущее и чувства огромности утраты в стране развивался общий психоз. К нескольким миллионам москвичей, желающих проститься с вождем ежедневно прибавлялись сотни тысяч приезжих. «Голова» общей очереди начиналась на Пушкинской площади. Продолжалась по Неглинной до Трубной и, раздваиваясь по Бульварному кольцу, тянулась в одну сторону до Белорусского вокзала, в другую – до Сухаревской площади. Из иностранных и советских официальных делегаций составила особая очередь на Охотном ряду. В гигантской общей очереди в один из дней возникла такая давка, что некоторое число людей было просто затоптано насмерть. Но и это не останавливало поток желающих. Всего за три дня через Колонный зал Дома союзов прошло более двух миллионов человек.

Из особой очереди первыми пропускали делегации от братских зарубежных партий и государств, потом от союзных республик, краев и областей. Затем шли делегации видов Вооруженных сил, министерств и ведомств. На третий день очередь дошла до представителей организаций и учреждений. Хоронили Сталина на четвертый день под рев заводских и паровозных гудков. Все дни прощания и похорон были объявлены траурными. Начало марта в тот год было очень холодным, и пока стояли в очереди, мороз пробрал до костей. Поэтому после прохождения делегацией МГУ Колонного зала и прощания с вождем, Михаил предложил Зденеку пойти в столовую погреться и по русскому обычаю помянуть покойника. В центре все заведения были закрыты и только на Пречистенке друзья отыскивали работающую чайную. Несмотря на название, здесь подавали не только чай. С трудом нашли свободный столик. Мысль о поминках явно посетила не только друзей. Зденек предложил «ударить» по пиву. Чех он и в день похорон чех, без пива никак. Михаил согласился, но сначала, как полагается, выпили за упокой «вождя всех времен и народов» по сто пятьдесят «московской», а потом продолжили пивом.

– Когда стояли в очереди, впереди были шахтеры, и один рассказал байку про Сталина. Из которой следует, что он не был сторонником трезвости, – нарушил первым молчание Зденек.

– Я слышал, что он любил выпивать и угощать. Иногда пил коньяк, но в основном употреблял грузинские вина, – откликнулся Михаил.

– Так вот, – продолжил Зденек, – шахтер рассказывал, что на Политбюро обсуждали кандидата на должность министра угольной промышленности. Один член Политбюро был против, сообщив, что кандидат хорошо выпивает. На это моментально среагировал Сталин: «Но если судить по его фигуре, то он и хорошо закусывает». Кандидатуру тут же утвердили.

– Похоже на анекдот. А вот еще такая история, – продолжил тему Михаил. – В Ялте Черчилль и Рузвельт решили разыграть Сталина. Черчилль за завтраком сообщает, что ему приснилось, как его назначили премьер-министром всей Земли. Рузвельт тут же говорит, что ему приснилось, как его назначили президентом всей Земли. И ждут, а что же Сталин. Ведь он оказался, пусть и во сне, не у дел. Но Сталин не растерялся и тут же говорит хитрецам: «А мне приснилось, что я вас в этих должностях... не утвердил!»

Видимо услышав разговор о Сталине, попросил разрешения присесть сидевший за соседним столом мужчина, по виду неопределенного занятия.

– Ребята, я немножко выпил, не обижайтесь. Вы, наверно, студенты. Слышу, речь о покойничке. По его милости только что пятерик отмотал. Опоздал я на работу на десять минут. Объявили саботажником и за каждую минуту – по полгода. Со мной в лагере еще за колоски много зеков сидели. Знаете про колоски?

– Я знаю, штурвальным на комбайне у отца работал, – ответил за двоих Михаил и продолжил, – не пойму только при чем покойник, если ты опоздал. И не надо лапши. За пять минут не судили. А только за час и больше. Я юрист и этот закон знаю. И за колоски правильно сажают. Одни пашут от зари до зари, а другие – на готовенькое. Приедешь на поле, а там половина убрано.

– Сажать человека в тюрьму за опоздание на работу и за колоски – это неправильно. Здесь я с товарищем согласен, – встал Зденек на сторону незваного гостя, – думаю, хватило бы увольнения или штрафа.

– Так ему же дармовая рабочая сила была нужна, вот и сажал всех подряд.

– Я смотрю, смелый какой. Еще тело не остыло, а он... – стал возмущаться Михаил.

– Да, смелый, – перебил незваный гость Михаила. – Кто сталинские лагеря прошел, того уже не испугаешь. Знаешь, сколько там сидят? Миллионы. Да тиран он и кровопийца, – выкрикнул гость, а потом так же громко продолжил рассказ о своих лагерных мытарствах. Публика стала смотреть в их сторону.

– Зденек, пошли отсюда. Этот тип похож на провокатора. – Михаил встал и пошел к выходу. Зденек поспешил за ним. А мужик продолжал поносить умершего вождя. Если он не был агентом МГБ, ночевать дома ему явно не светило.

Догнав Михаила, Зденек положил руку на его плечо и стал горячо убеждать, что мужчина не провокатор, а пострадавший от сталинской диктатуры, и он сам его хорошо понимает.

– Мы, будущие юристы, должны сделать все, чтобы в будущем закон победил произвол. Давай поклянемся, что мы будем за это бороться.

– Зденек, я два дня назад уже клялся. Хватит. И мы с тобой не Герцен с Огаревым. Но в одном ты прав. Беззакония и произвола хватает. Мои деды Пантелей и Андрей отсидели без предъявления обвинения по два года. Дед Раисы за несогласие с политикой Сталина был расстрелян. Поэтому торжеству закона жизнь посвятить стоит. Для этого мы и пошли на юридический.

Не стал Михаил вторично приносить клятву на верность делу Сталина, как будто наперед зная, что в будущем отступится от того общественного строя, что так упорно и нередко жестоко создавал и защищал вождь. Правда, сделал это Михаил не в виде явного предательства, а под лукавым предлогом возврата к делу Ленина, которое, по мнению таких, как он, извратил Сталин.

Через тридцать два года в Москве будет еще одно важное траурное мероприятие. На нем также выступит Михаил Сергеевич в возрасте пятидесяти четырех лет. После чего и возглавит страну. Видимо репетиция в молодости даром не прошла.

Лондон

Когда Зденеку позвонили из консульского отдела посольства и сообщили, что его отец помилован, он опешил и даже не успел ничего спросить. Когда это произошло? Где он теперь? Как его здоровье? Поэтому Зденек тут же перезвонил сам. Консул сказал, что, по его сведениям, отца освободили неделю назад и под условием немедленного выезда из страны. Но куда тот выехал ему неизвестно. Примерно через месяц он получил письмо из Лондона. В нем отец сообщал о своем освобождении и желании встретиться. Просил Зденека приехать к нему при первой возможности. Когда он рассказал об этой вести и желании повидаться с отцом заместителю декана факультета по работе с иностранными студентами, тот ничего определенного не сказал и обещал дать ответ позже. На согласование с инстанциями ушло не меньше пол-года. И только в конце четвертого курса ему сообщили, что он может подать документы для оформления поездки. При этом было сказано, что визу в английском посольстве он должен получать сам.

Напротив Кремля на Софийской набережной уютно расположились белые с зеленой крышей особняки представительства ее величества королевы Великобритании. Получить здесь визу в те времена было все равно, что побывать на приеме у папы римского. Но Зденек решил попробовать. С отцом они не виделись более трех лет. И в это время у него не было желания большего, чем поездка в Лондон. В приемные часы его принял вице-консул. Долго расспрашивал об отце, о его учебе в Москве. Потом заверил: «Просьба о выдаче визы будет рассмотрена самым внимательным образом». Забрал паспорт, анкету и пригласил придти повторно через месяц.

Вторая встреча проходила в другом помещении и с другим сотрудником. Манеры Гарри, так он себя назвал, чем-то напоминали поведение «друга» Зденека из чешского посольства. И тот и этот были любезными, но как-то по-особому, жестко-любезными. Взгляд голубых глаз англичанина постоянно менялся. От изучающего – до ласкающего. Это располагало к общению. Сообщив о готовности визы, он спросил, есть ли у Зденека в Москве приятели, друзья и кто они. Ответ слушал молча и даже, как казалось, без явного интереса. Когда Зденек закончил, сказал, что является сотрудником одного научного центра и собирает материалы для диссертации о советском образе жизни. А поэтому не мог бы он о каждом из друзей составить подробный письменный отзыв. Зденек без колебаний согласился. Подобные характеристики он много раз писал на студентов чешского землячества и не считал это чем-то дурным. Часа через три Гарри получил готовые отзывы на троих друзей из квартета и на Александра Зиновьева, с которым Зденек сблизился в последнее время. Принимая их, тот тепло поблагодарил и добавил, что «как англичанин, я не беру займы и не даю в долг, а поэтому Зденек за эту важную для него работу получит пятьсот фунтов в Лондоне. Это дело чести. Да и вам они будут кстати».

Получив паспорт с визой, счастливый Зденек покинул посольство. Так впервые в распоряжении английской разведки, а Гарри, как выяснится позже, был разведчиком, оказались характеристики на будущего главу советской страны Михаила Сергеевича Горбачева и его жену Раису Максимовну. Но ни Гарри, ни Зденек и никто другой не были в то время способны понять, насколько ценной эта информация окажется в будущем. Если кто-то подумает, что Зденека таким образом уже завербовали в английскую агентурную сеть, он ошибется. Это была лишь «проба пера». Своего рода проверка на лояльность. И он ее прошел. А теперь, в связи с предстоящим выездом в святая святых капитализма и цитадель антикоммунизма, ему наверняка предстоит стать объектом внимания еще одной спецслужбы – советского КГБ. Таковы законы жанра. Так жизнь крутит людьми. Особенно часто в орбиту деятельности спецслужб

вовлекаются идеалисты, поскольку они живут с душой, распахнутой окружению, приукрашивая действительность и в том числе работу этих дьявольских учреждений...

Через неделю Зденек был в Лондоне и горячо обнимал отца, встречавшего его в порту.

Петер Млынарж, несмотря на годы, проведенные в пражской тюрьме, хорошо выглядел и нисколько не изменился за то время, что они не виделись. Возмужавший Зденек стал очень походить на отца. Незнакомые люди вполне могли принять этих высоких, стройных, крупнолицых и большеглазых темноволосых мужчин за братьев. Метро быстро доставило их в тот район, где Петер уже почти год снимал две небольшие комнаты. Зденеку они понравились, и он остался у отца. Здесь же он застал извещение о почтовом переводе на пятьсот фунтов стерлингов от Гарри. Для того времени это были хорошие деньги. Английская оперативность и щедрость оставляли хорошее впечатление. Поражал и Лондон, шикарный и помпезный центр, опрятные окраины. Во всем основательность и комфорт. Внешне Москва, конечно, проигрывала.

Впереди был целый месяц, но они каждый день с утра и нередко до позднего вечера все говорили и говорили. О жене и маме, которая одна в Праге. О родителях отца и мамы, пострадавших из-за его ареста. О Праге и Чехии, где только что прекратились внутрипартийные распри. О Москве и Советском Союзе, нелегко переживающих послесталинское время. Однажды отец завел речь о своем аресте и спросил, как и от кого об этом узнал Зденек. Не ожидая вопроса, сын несколько растерялся, но потом твердо ответил, что об этом ему сообщили в деканате университета. Про посольство решил умолчать. Посчитал, что так лучше.

– А за что арестовали, знаешь?

– Сказали: за участие в антипартийной группе. И все.

– Думаю, тебе знать об этом необходимо. Но сначала скажи, как ты относишься к советской системе? И как думаешь, у нее есть будущее? Ты ведь столько лет живешь в СССР.

– Отец, я не знаю в Москве таких людей, которые бы говорили, что у СССР нет будущего. Наоборот, есть какая-то фанатичная вера в социализм и коммунизм. Особенно после победы над фашизмом. Кажется, что если их позовут штурмовать небо, они покорят и его. Даже с помощью обычных лестниц. А может, придумают и что-то другое. Думаю, что советской системе не хватает гуманности к людям. Все очень жестко, а иногда и жестоко. Но руководители страны уверяют, что без этого в окружении недружественных стран молодой системе социализма не выстоять. Им верят, особенно молодежь, – Зденек встал, обнял Петера и, улыбаясь, добавил. – Я сам уже стал советским.

– Вот этого я и опасался, – продолжал Петер. И после недолгой паузы продолжил: – Когда после смерти Клемента Готвальда к власти пришли Запотоцкий и глава Компартии Новотный, я еще преподавал философию и состоял в социал-демократах. Вскоре меня пригласил президент и предложил возглавить управление по связям с партиями. Я сразу дал согласие, вышел из партии, так требовал закон, и приступил к делу. Профессора любят, когда их зовут во власть. В это время в Национальном фронте коммунисты уже доминировали, но еще считались и с другими партиями. Но потом как будто их подменили. Новотный стал плести интриги против Запотоцкого. Надо было определяться. И я естественно стал на сторону президента. Но все решила Москва. Там поддержали Новотного, и президент превратился в свадебного генерала. Коммунисты затеяли тотальную национализацию промышленности и банков. Фермеров насильно загоняли в кооперативы. Экономика отреагировала спадом. Я, Густав Гусак и еще несколько товарищей выступили против этого курса, за сохранение демократии. Дело кончилось нашим арестом и осуждением за «буржуазный национализм». Гусаку дали пожизненный срок, а мне и другим участникам «антипартийной группы» по пять лет. При помиловании пришлось признать вину и дать подписку об отказе от политической борьбы с режимом. Иначе я бы здесь не находился. Такова кратко печальная история моего хождения во власть. Больше туда я не хожу и тебе не рекомендую.

– Отец, ты сказал, что вы пострадали, пытаясь сохранить демократию. А стоила она того и вообще, что такое демократия? Мне кажется, это какой-то миф.

– До ареста и особенно в тюрьме я много об этом размышлял. Мнение о существовании универсальной, тем более чистой демократии, действительно миф. На самом деле есть демократии разных типов: демоохлократия, демоавтократия, демототакратия и другие – анархия, фашизм и даже народная тиранья. Чистой демократии нет.

– Насчет фашизма ты не перебрал?

– Нет, объясню, в чем тут, попросту говоря, фокус. От таких форм власти, как монархии и аристократии, демократии отличаются только наличием избирательного процесса. По содержанию политического режима они иногда сближаются до неприличного сходства. А вот избирательная процедура сверху донизу присуща только демократиям. При этом голосование может быть: методом крика на площади; избранием в трудовых коллективах; по месту жительства; открыто или тайно; прямое или через представителей; с лишением права участия в выборах, каких-то слоев или без такового. Поэтому и фашизм тоже, так как это не форма власти, а содержание политического режима, нередко избранного демократическим путем. И социализм автоматически ничего не гарантирует. СССР при Сталине и теперь – это две разные демократии, но избранные на основе одной и той же избирательной процедуры, прописанной в Конституции 1936 года. Была сталинская демототакратия. Теперь формируется демоавтократия. Более мягкий режим.

– А что было при Ленине?

– Думаю, что демоохлократия, нередко переходящая в народную тиранью. Которую по ошибке называли военным коммунизмом. Коммунизм, по теории Маркса, – это изобилие. А тогда были довольно голодные годы.

– Ну, ты и нагрузил. Прости, отец, похоже, тюрьма для философа не худшее место для раздумий.

– Ты над отцом не смейся. Лучше подумаем, чем тебе заняться после университета. У тебя какая специализация?

– Практику проходил в прокуратуре. Дипломная работа о прокурорском надзоре.

– Думаю, что пока Новотный у власти, в прокуратуру тебе дорога закрыта. А посему, когда приедешь в Прагу, иди к моему другу директору Института государства и права. Он не откажет. Займись наукой, защити диссертацию. Дальше будет видно. Диктаторы вечными не бывают. Запомни, тот социализм, который он насаждает, не приживется. В нем мало человеческого. И, кажется, в СССР тоже.

Это был их последний разговор. На другой день Зденек с утра поехал на встречу с приехавшим из Москвы Гарри и возвратился глубоким вечером. В квартире его ждал полицейский, который и сообщил ему, что после обеда отца с сердечным приступом доставили в больницу, где он внезапно скончался.

В будущем, наблюдая за политической практикой и вспоминая отца, он не один раз поражался его проницательности.

Юрист широкого профиля

Возвращение в Москву было нелегким. Сразу после похорон хотелось остаться в Лондоне. Но здравый смысл взял верх. И еще уверенность в том, что отец этого шага не одобрит и с того света. До получения диплома в МГУ оставалось меньше года. Отбросив все сомнения, Зденек покинул Лондон.

Михаил был на практике. Поэтому встретились они только после его возвращения. Вскоре из поездки к родителям возвратилась и Раиса. Они буквально ни на час не оставляли Зденека одного. Поддерживали, как могли. Зденек привез им подарки. Был в восторге от уровня жизни англичан и подробно рассказывал о беседах с отцом. Вспомнил и о последнем разговоре по поводу своего будущего и перспектив социализма. Михаил согласился, что Зденеку лучше заняться наукой. А насчет мрачного будущего социализма мнения разошлись.

– Это все теория, – размышлял по привычке пространно Михаил, – а советский опыт говорит о том, что новый строй уверенно набирает обороты и назад мы не возвратимся. Хотя на местах черт знает что творится. Бюрократизм, чванство начальников. Насмотрелся во время практики и на прямое беззаконие.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.